

тема обозначает переход от традиционно-христианского сознания к напряженно-экзистенциальному переживанию христианства, апокалиптическому христианству. Софиологические мотивы тесно связаны с обострением экзистенциальных проблем в русской литературе. Чем ближе к Серебряному веку, тем явственней размытие религиозно-сакральных и антропных смыслов XIX в., переход к витальной онтологии целого и экзистенциально-катастрофическим темам.

В русской литературе XIX – начала XX в. совершается переход от антропоцентризма (тема крушения гуманизма) к онтологизму, или антропокосмизму, божественно-космическое начинает доминировать над человеческим, человек становится частью целого. Каждый писатель, создавая свой неповторимый авторский мир и миф, творил собственный образ мира, погружая человека в поток бытия, могучее течение жизни. В этом космически-онтологическом мироощущении сочетаются христианская традиция (православный онтологизм – доверие к сотворенному миру и апокалиптические замыслы его преобразования), языческое почитание Матери-Земли и восточная (а также архаическая) философия двуединства полярностей (явленного – сокровенного, конечного – бесконечного), воплощенная в символическом миропонимании. Проявлением этого божественно-космического восприятия реальности становятся культ Вечной Женственности, диалог с мировым женственным началом: богоявление Софии в поэзии Вл. Соловьёва, трагическая любовь героев И. Бунина, несоизмеримых с этим океаном бытия, стихия и музыка в мире А. Блока, метаморфозы души в поэзии М. Цветаевой и Г. Иванова, «сестра моя – жизнь» Б. Пастернака. Процесс творчества выходит за пределы художественных форм и соединяется с бытием. В мире, где хаос более вероятен, чем порядок, и идет острая борьба созидания и разрушения, человек призван к созиданию порядка из хаоса, спасению жизни, творению софийного космоса. Софийные смыслы ставят задачу сочетания, свободного синтеза полярных начал.

Литература

1. Крохина Н.П. А. Блок – К. Бальмонт: два поэтических синтеза // Вестн. Вят. гос. гума-

нит. ун-та. Сер. : Филология и искусствоведение. 2009. №3(2).

2. Крохина Н.П. Космическая София Александра Блока // Синтез в русской и мировой художественной культуре : материалы 7-й науч.-практ. конф. памяти А.Ф. Лосева. М. : МПГУ, 2007.

3. Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997.

4. Океанский В.П. Поэтика пространства в русской метафизической лирике XIX века. Иваново, 2002.

5. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1995. Т.5.

Sophia cosmogony and eschatology in Silver Age poetry

Sophistic meanings are inseparable from cosmic and eschatological connotations that are fully realized in the Silver Age poetry.

Key words: *sophistic cosmos, world perception, archaists, modernists, poetic apocalyptic.*

С.А. ХОМЯКОВ
(Москва)

«ПРОСТРАНСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ» В «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ» А.А. АХМАТОВОЙ

Петербург привлекал многих поэтов не только с урбанистической точки зрения, но и как город, впитавший множество легенд и событий и «видевший» большие социальные перемены. Петербург – мифический город, который имеет определенные стадии существования. Именно в изображении А.А. Ахматовой город получил окончательное завершение, впитав черты других Петербургов, изображенных в литературе ранее, от А.С. Пушкина до А. Блока.

Ключевые слова: *художественное пространство, Петербург, «Поэма без героя», топос.*

Итоговым, завершающим произведением А.А. Ахматовой стала «Поэма без героя», где наиболее полно реализовался ее метод («Ничто не сказано в лоб» [1, с. 243]). Особенность художественного мастерства

А.А. Ахматовой заключается в умении соединять опыт предшествующих поэтов воедино – в произведении присутствуют различные пространственно-временные формы.

Каждый поэт по-своему видит эпоху и мир, в котором он живет. Являясь «сыном гармонии» [6, с. 162] и мастером слова, он старается обращаться к опыту предшественников. Для А.А. Ахматовой таким авторитетом был А.С. Пушкин с его особым умением обращаться со словом, что укладывается в акмеистскую традицию. «Петербургский текст – мощное полифоническое резонансное пространство, в вибрациях которого уже давно слышатся тревожные синкопы русской истории и леденящие душу “злые” шумы времени» [17, с. 319]. По мнению Н.В. Топорова, образ города, в данном случае Петербурга, не был однородным в изображении писателей. О многослойности этого города писала А. Ахматова: «Петербург я начинаю помнить очень рано – в девяностых годах. Это в сущности Петербург Достоевского. Это Петербург дотрамвайный, лошадиный, коночный, грохочущий и скрежещущий, лошадиный. <...> Зато зелени в Петербурге 90-х годов почти не было» [2, с. 171 – 172]. «После Петербурга», каким я застала его (тогда я была зрительницей), я скажу несколько слов о Петербурге десятых годов, о военном Петербурге, о Петрограде революционном. О незабываемом 19 г. (почему-то начисто забытом) и, наконец, о послеблокадном Ленинграде. Сколько слов!!!» (Там же, с. 175).

Именно А.С. Пушкин породил тему Петербурга, которая на протяжении двух столетий вырастет в самостоятельный миф со множеством легенд и преданий. Многие художники слова, обращавшиеся к петербургской теме, не смогли избежать образов города А.С. Пушкина. Так, «Поэма без героя» схожа с «Медным всадником», во-первых, «по простоте сюжета, который можно пересказать в двух словах» [1, с. 220]; во-вторых, первая часть поэмы А. Ахматовой названа «Петербургская повесть» и открывается эпитафией из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина. В работе «Пушкин и Невское взморье» А. Ахматова пишет о том, что «роман в стихах» посвящен «пятым казненным декабристам». «Пушкину, – поясняет А. Ахматова, – не надо было их вспоминать: он просто их не забывал – ни живых, ни мертвых»

[4, с. 189]. Приход ряженных в первой части «Поэмы без героя» – это воспоминания А. Ахматовой о ее друзьях. «На этом маскараде были “все”. Отказа никто не прислал. <...> Осип Мандельштам <...> и приехавшая из Москвы <...> Марина Цветаева... Тень Врубеля <...>, Клюев, и заставивший звучать по-своему весь XX век великий Стравинский, и демонический Доктор Дапертутто, и <...> Блок (трагический тенор эпохи), и пришедший, как в «Собаку», Велимир I. И Фауст – Вячеслав Иванов, и прибежавший <...> Андрей Белый, и сказочная Тамара Карсавина. <...> не поблескивают очки В.В. Розанова и не клубится борода Распутина, <...> голос Шалыпина. <...> Анна Павлова, а уж добриковский Маяковский наверно курит у камина. <...> А еще

Мы выпить должны за того,

Кого еще с нами нет...» [1, с. 266 – 268].

А.Ахматова тоже не забывала «ни живых, ни мертвых» – изображение событий 1913 г. в «Поэме без героя» еще раз это подтверждает. А «Посвящение 27 декабря 1940», которое не может быть адресовано определенному человеку, говорит о том, что «Поэма без героя» – это памятник всей «ахматовской эпохе».

Пространство поэмы в географическом представлении невелико: произведение было начато в Ленинграде, продолжено в Ташкенте, где и была написана большая часть, но место действия поэмы – Петербург 1913 г. и Ленинград военных лет. По мнению И. Берлина, «поэма была задумана как своего рода окончательный памятник ее жизни как поэта, памятник прошлому ее города – Петербурга, которое стало неотъемлемой частью ее личности», и «для поэта единственное, что имеет значение, – это прошлое» [5, с. 326]. «Поэма без героя» – попытка подвести итоги жизни, что в XIX в. сделал А.С. Пушкин в своем итоговом стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836).

Поэтому «Посвящение 27 декабря 1940» в «Поэме без героя» может быть адресовано практически каждому человеку, кто жил в одно время с А. Ахматовой. Принято считать О. Мандельштама адресатом, т.к. поэт скончался 27 декабря 1938 г. [13, с. 69]. Многие исследователи считают, что это Вс. Князев: его инициалы вынесены в заглавие. Предположим, что адресатами могут быть А. Белый и А. Блок, если учесть, что в «Прозе о поэме» А. Ахмато-

ва назвала двух поэтов, которые пришли в образе ряженных. Это является непосредственной отсылкой к поэме «Двенадцать» А. Блока, который в 1921 г. назвал А.С. Пушкина человеком-эпохой: «Пушкин умер. Но “для мальчиков не умирают позы Позы”, сказал Шиллер. И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умерла его культура. Пора, мой друг, пора! Покая сердце просит. Это – предсмертные вздохи Пушкина, и также – вздохи культуры пушкинской поры» [6, с. 167]. А смерть А. Блока, в свою очередь, воспринималась А.А. Ахматовой концом целой эпохи «трагического тенора эпохи». Блокские реминисценции присутствуют в «Поэме без героя» не только на топонимном уровне, но и на лексико-семантическом: «арлекинадой», «балаганом», «маскарадом» называют события, описанные в поэме «Двенадцать», где присутствует хаос между двумя эпохами – прошедшей и будущей. «Хаос, – писал А. Блок, – есть первобытное, стихийное безначалие; космос – устроенная гармония, культура; из хаоса рождается космос; стихия таит в себе семена культуры; из безначалия создается гармония» (Там же, с. 161). Именно А. Блок почувствовал, что мир меняется: перемены не кроются только в революции. Два своеобразных времени и пространства, когда заканчивается одна эпоха, а другая еще не началась, и мир существует в этом промежутке. Для А. Ахматовой такой границей были Сочельники, которые предшествовали мировым катастрофам.

Для А.А. Ахматовой было два ярких представителя двух эпох – А.С. Пушкин и А. Блок, первый породил тему Петербурга с пышными домами, пристанями, кораблями, богатством, второй изобразил город во время хаоса. А.С. Пушкин и А. Блок – маяки двух литературных эпох, указывавшие продолжительность своего творческого времени, идола со своими эстетическими и литературными приемами. Ахматова даже смогла соединить А.С. Пушкина [14] и А. Блока в строках «Поэмы без героя»: «Да что там! Про это / Лучше *их* рассказали стихи. / *Золотого ль века* виденье / Или черное преступление / В грозном *хаосе* давних дней (курсив мой. – С.Х.)» [3, с. 183].

В «Поэме без героя» содержатся аллюзии на роман «Петербург» А. Белого, события в обоих произведениях происходят

в канун мировых войн. В поэме А. Ахматовой мировая война начинается с самоубийства Вс. Князева, в романе А. Белого – с «брошенной» бомбы. Если сократить название «Поэмы без героя» по первым буквам, то получится «ПБг», что напоминает Петербург. В обоих произведениях присутствует мотив тумана, который является границей между прошлым и настоящим.

М. Кралин предлагает на роль адресата А.С. Пушкина, ссылаясь на отточие в начале «Посвящения», которое является продолжением строк «Погасло дневное светило; / На море синее вечерний пал туман...» [9] Предположение исследователя кажется убедительным, т.к. А. Ахматова выросла на «отголосках» пушкинской эпохи, и логично, что пушкинские мотивы присутствуют в самом начале «Поэмы без героя». Уместно предположить, что адресатом может быть Н.С. Гумилев (место его погребения неизвестно, как и «пяти казненных друзей» А.С. Пушкина), М.И. Цветаева (прослеживаются аллюзии на «Поэму воздуха»), В. Хлебников [16], А. Лурье [10]. Предложим М.А. Булгакова на роль адресата «Посвящения»: А. Ахматову связывали дружеские отношения с писателем и его женой, а в 1935 г. М. Булгаков и Б. Пастернак помогли поэтессе составить письмо к И. Сталину, результатом которого стало освобождение Л. Гумилева и Н. Пунина. 27 декабря 1940 г. Е.С. Булгакова (вдова писателя) получила письмо от П.С. Попова, где говорится о будущей известности романа. Напомним, что 10 марта того же года умер М. Булгаков, а в поэме без героя приход ряженных к *героине* напоминает бал в романе «Мастер и Маргарита» [18].

«Посвящение 27 декабря 1940» является открытым, как и вся «Поэма без героя», поэтому можно предположить практически любую связь с событиями, произошедшими с 1913-го по 1960 г. Р.Д. Тименчик пишет о «Поэме без героя», что «это “поэма в поэме” и “поэма о поэме”, произведение, рассказывающее о своем собственном происхождении. <...> Поэма, изучая затруднения, встающие перед ней самой, познает самое себя» [15, с. 3 – 4].

Говоря о пространстве в «Поэме без героя», необходимо сказать о временных уровнях произведения: прошлое (события периода раннего творчества, Петербург 1913 г.), прошедшее (время мировых войн, Ленинград), настоящее (после-

военное время, Ленинград). Последний временной уровень стоит рассматривать в неразрывной связи с «Прозой о поэме», хотя время повествования – прошедшее, имеется разграничение временных уровней. «Проекция стихов на план прошедшего времени говорит о том, что происходящее осмысливается с временной дистанции. В этом своеобразная эпичность лирики Ахматовой. Лирика обычно создает иллюзию сиюминутного эмоционального присутствия <...> ее время – настоящее, тогда как основное время эпоха – прошедшее» [8, с. 43 – 44].

Действие «Поэмы без героя» происходит в Фонтанном доме, что предполагает временные и пространственные «отсылки», которые расширяют темпоральные границы произведения. В Фонтанном доме «в XVIII веке проходили знаменитые “маскерады” П.Б. Шереметева, а, потом существовал домашний крепостной театр – с “двойным” ряжением (крестьяне играли актеров, играющих сценические роли); <...> угол Марсова поля, на котором в XVIII веке выступала труппа итальянских актеров, игравших в традиции “комедии масок”, а в конце XIX века еще бывали балаганы на Масленой неделе; <...> кабаре “Бродячая собака” с его атмосферой еженощного бесконечного карнавала» [15, с. 22].

Город в восприятии и изображении А.А. Ахматовой становится не просто историческим или географическим местом, а преодолевая замкнутость определенного пространства и временных рамок, превращается в миф. Таким образом, биографическое, историческое, календарное время, соединяясь с реальными и художественными пространствами, создают истинным мир произведения. Хронотоп всей поэмы стремится к глобальному пространству и эпическому времени.

«Поэма без героя» А. Ахматовой – семантически сложное произведение, намеренно нацеленное автором на многовариантное прочтение. Связь с такими произведениями, как «Маскарад» М.Ю. Лермонтова [11], «Медный всадник» А.С. Пушкина, «Поэма воздуха» М.И. Цветаевой [12], «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Двенадцать» А. Блока [7], «Петербург» А. Белого и др., создают огромное поэтическое пространство «Поэмы без героя».

Литература

1. Ахматова А. Pro domo mea // Собрание сочинений : в 6 т. М., 1998. Т.3.
2. Ахматова А. Pro domo sua // Собрание сочинений : в 6 т. М., 2001. Т.5.
3. Ахматова А. Поэма без героя. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1998. Т.3.
4. Ахматова А. Пушкин и Невское взморье // Собрание сочинений : в 6 т. М., 2002. Т.6.
5. Берлин И. Поэма без героя // Ахматова без глянца. СПб., 2007.
6. Блок А. О назначении поэта // Собрание сочинений : в 8 т. М. – Л., 1962. Т.6.
7. Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973.
8. Кормилов С.И. Поэтическое творчество Анны Ахматовой. М., 1998.
9. Кралин М. Победившее смерть слово. Томск, 2000.
10. Кралин М. Артур и Анна: Роман в письмах. Л., 1990.
11. Лекманов О.А. «Поэма без героя» и «Маскарад» // Рус. речь. 2001. № 3.
12. Лиснянская И. Шкатулка с тройным дном. Калининград, 1995.
13. Мандельштам Н. Вторая книга. Париж, 1972.
14. Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М., 1998.
15. Тименчик Р.Д. Заметки о «Поэме без героя» // Поэма без героя : в 5 кн. / вступ. ст. Р.Д. Тименчика. М. : Изд-во МПИ, 1989.
16. Тименчик Р.Д. Несколько примечаний к статье Т. Цивьян (Заметки к дешифровке «Поэмы без героя») // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. V.
17. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : избранное. М., 1995.
18. Хомяков С.А. О переключках в «Поэме без героя» А.А. Ахматовой и «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова // Сравнительное и общее литературоведение : сб. ст. молодых ученых. М., 2008.

“Space in space” in “The Poem without a hero” by A.A. Akhmatova

Petersburg attracted many poets not only from the urbanist point of view but also as a city that took in a number of legends and events and faced great social changes. Petersburg is a mythical city that has certain stages of existence. It is in A.Akhmatova's representation that the city received its completion having taken in the features of other Petersburgs represented in earlier literature works from A.S.Pushkin to A.Blok.

Key words: artistic space, Petersburg, “The Poem without a Hero”, topos.